

Впервые о Елене Кореневой заговорили после выхода "Романса о влюбленных". Потом были картины "Тот самый Мюнхгаузен", "Покровские ворота", "Ярославна — королева Франции". Но судьба актрисы сама по себе оказалась не менее интересной, чем какой-нибудь "закрученный" остросюжетный фильм.

Лена Коренева родилась на Арбате, ее отец был кинорежиссером, и мама тоже работала на "Мосфильме", поэтому мир кино не был для нее таким уж загадочным. Лена мечтала стать балериной... Жизнь же распорядилась по-своему: закончив английскую спецшколу, Коренева поступила в театральное училище имени Бориса Щукина.

Будучи на втором курсе, она сыграла главную женскую роль в картине А. Кончаловского "Романс о влюбленных". Про совсем молоденькую актрису заговорили в прессе, к ней подходили на улице за автографом. После "Романса..." она много и успешно снималась. А потом вдруг исчезла с экрана. И вскоре прошел слух о том, что Елена Коренева уехала в Америку. Зачем? — недоумевали многие. Зачем, спрашиваю я Лену, сидя в ее московской квартире, где она теперь живет постоянно.

— Тут был комплекс причин. Во-первых, я начала разочаровываться в театре, где мне сулили вторые роли при Оле Яковлевой и Марине Нееловой. Я боялась, что мне придется десять лет выслуживаться, прежде чем я сделаю какую-то яркую карьеру. На личном фронте у меня тоже постоянно возникали проблемы: как только я в кого-нибудь влюблялась, этот человек обязательно уезжал из страны. В основном я общалась с детьми известных художников, это была самая настоящая "золотая молодежь" Москвы, и все они мечтали уехать на Запад. Попав в эту среду, я стала прикидывать такой же вариант и для себя. И, встретив Кевина, вышла замуж, уехала в Америку. Я должна была там полностью адаптироваться, поэтому пошла работать, хотя по материальному достатку мужа могла бы этого и не делать. Мой муж преподавал русский язык и литературу в разных университетских городах, и мы поехали по Америке... После развода с ним я жила в Нью-Йорке, потом переехала в Лос-Анджелес, где всегда было приятно гулять по улицам, потому что у города есть и запахи, и цвет, и настроение.

— Не случайно там находится Голливуд. У тебя были какие-нибудь завязки с этой фабрикой грез?

— Знаешь, в Лос-Анджелесе каждый человек немножко киноман. Так что я тоже подверглась этому искушению и снялась в мизерном эпизоде у Кончаловского в его первом американском фильме "Любовники Марии". Была еще одна работа, а в целом я больше наблюдала за кинопроцессом.

— В Голливуде работает много русских актеров. Вопрос в том — насколько успешно.

— Они снимаются в картинах группы "Б", то есть второго сорта. И Олег Видов, и Наташа Негада, и Наташа Андрейченко американскими звездами так и не стали. Дело в том, что внедрение неанглоязычного актера в Голливуд фактически нереально. Время от времени возникает мода на русских, на русское искусство, но мода переходящая.

— С кем ты общалась в Лос-Анджелесе?

— Полгода я занималась в актерской студии и поэтому подружилась с видными продюсерами, известными актерами: с той же Изабеллой Росселини, бывала на вилле Франсиса Коппола. Бывали интересные встречи с русской эмиграцией: с Ниной Берберовой, Сашей Соколовым, Эдуардом Лимоновым, сыном Владимира Набокова Дмитрием, с Михаилом Барышниковым. В Америке я познакомилась с Иосифом Бродским.

Первый раз я видела Бродского на концерте, где была со своим мужем. После концерта подошла, чтобы выполнить просьбу Миши Козакова, который просил меня перед отъездом в Америку передать Бродскому, что он читает его

сказал: "Ты хотела свободы — получи!" И забрал у меня машину, деньги и все остальное. Так оно и должно было быть на самом деле. Потому что свобода — это свобода, а самостоятельность — это самостоятельность. И в то же время мы остались друзьями.

— Как ты перенесла развод?

— В отличие от России там раз-

деляющую актрису от официантки?

— Работа официантки лучше, чем, например, сидение в офисе. Многие американские актеры, художники, музыканты не считают для себя зазорным работать параллельно простым рабочим или официантом. Там это распространено еще и потому, что это чистые день-

у меня были. Я понимаю, что не стала театральной актрисой в той степени, в какой могла бы ею стать, ибо ею можно стать только в руках очень яркой режиссерской индивидуальности.

Но в Америке у меня в какой-то момент стал возникать страх, что я теряю профессию. И когда я вернулась сюда и начала играть в ант-

У МЕНЯ ДВЕ ПЕЧАЛИ

ГОВОРIT АКТРИСА ЕЛЕНА КОРЕНЕВА. ПЕРВАЯ — ЧТО НЕ РОДИЛА РЕБЕНКА. ВТОРАЯ — ЧТО НЕ ЗАНЯЛАСЬ РЕЖИССУРОЙ РАНЬШЕ

Елена КОРЕНЕВА:

стихи. Я выполнила его просьбу, добавив от себя: "Миша это делает очень хорошо!" На что Бродский сказал: "Я тоже делаю это неплохо". Повернулся и ушел. Мой муж сказал, что он очень высокомерен и по-снобистски реагирует на людей. Действительно, он производил на людей впечатление человека, к которому трудно подступиться, так же, как в свое время к Владимиру Набокову. Кстати, бывая в Корнелльском университете, я встречалась с людьми, которые знали и помнили Набокова как профессора. На самом деле такая недоступность была оборотной стороной их ранимости и уязвимости. Спустя несколько лет я вновь встретилась с Бродским в Нью-Йорке. В разговоре с ним возникало ощущение, что ты общаешься с Богом, которому можно задать вопрос на любую тему, и он даст тебе адекватный ответ — с чувством, с толком, с расстановкой.

— Давай вернемся к тебе. Извини за дурацкий вопрос, но почему ты разошлась с мужем?

— Почему же дурацкий?... Это очень сложно объяснить. Во-первых, я поняла, что не готова прожить с этим человеком всю жизнь и нарожать ему детей. У меня было ощущение, что я чего-то не прожила. Это часто происходит с русскими, когда другая культура, психология, философия накладываются на твою индивидуальность, и ты начинаешь как-то меняться. Мне захотелось свободы, а брак обязывает к ответственности друг перед другом, к определенным обязательствам. В какой-то момент я поняла, что не хочу этого.

Мой муж прелестный, достойный уважения человек, и я много от него получила как личность. Но в какой-то момент я сорвалась и пустилась во все тяжкие. На что он

вод не влечет такое психологическое давление со стороны общества: если ты одна, значит, с тобой что-то не то, или, если ты без детей, значит, твоя жизнь не состоялась... В Америке многие женщины могут, но не хотят иметь детей. Потому что гораздо рациональнее подходят к деторождению, чем мы. Отчасти это хорошо, отчасти плохо. Они не считают, что миссия женщины заключается в том, чтобы рожать детей. Главное для них — это быть независимым человеком, который самостоятельно зарабатывает на хлеб. Это относится как к женщинам, так и к мужчинам. Феминизм принес равенство полов. И я тоже феминистка по своей сути. Конечно, когда это не принимает гротескные формы. Безусловно, феминизм лишил отношения мужчины и женщины определенного романтизма. И американцы, устав от своих женщин-феминисток, обратились к русским нимфам. Иные едут в Россию за женами, потому что у нас понятия брака, семьи сохранились в традиционном смысле, то есть когда женщина должна держать дом, вести хозяйство, воспитывать детей и так далее.

— Быть замужней женщиной — это одно, а женщиной самостоятельной, без мужниной поддержки — совсем другое. Как ты решала чисто материальные проблемы после развода?

— Когда я разошлась с мужем, мое положение не было столь благополучным, как прежде. То есть у меня хватало денег, чтобы снять себе жилье, но ведь надо было еще есть, одеваться. Поэтому приходилось работать официанткой в нью-йоркском ресторане.

— Чисто психологически легко было перешагнуть грань, от-

ги. Ведь 10—15 процентов от каждого счета идут в карман официанту — это норма. Не заплатит чаевые — считается верхом неприличия.

— Если сравнить институт замужества у американцев и у нас, в чем сходство и в чем отличие?

— Я думаю, что в Америке люди, вступая в брак, гораздо более ответственно подходят к этому, нежели у нас, потому что многое связано с рядом имущественных и юридических обязательств. Грубо говоря, в Америке по первой любви не женятся, и если даже любят долго — необязательно вступают в брак. Тогда как у нас в большинстве случаев если спят вместе, то должны жениться. Они же рассматривают секс как часть физиологической жизни каждого человека. Приоритетом для них являются материальная независимость, вопросы престижа и полноценности их существования.

— У них что, все жидется на рациональном расчете?

— Ничто человеческое им не чуждо, американцы — романтики еще почище нас. Но если у нас романтизм, ханжество, испорченность уживаются вместе, то у них все это очень дифференцировано. Если там мужчина ухаживает за женщиной, то ты понимаешь, с какой целью он за тобой ухаживает. Ни шага вправо, ни шага влево. Вообще любой американец всегда защищает свою личную независимость. Даже если пара вступает в брак, то это вовсе не означает, что жизнь одного приносится в жертву другому.

— В общей сложности ты прожила за границей одиннадцать лет. Что послужило поводом к твоему возвращению на родину?

— Во-первых, меня потянуло к моим близким, так как своей семье я все-таки там не создала. Во-вторых, мне захотелось вновь играть. И здесь, конечно, у меня больше шансов, чем там. Впервые я приехала в Москву в 1987 году, пробыла три с половиной месяца и вернулась в Америку. В 1988 году я приехала вновь и целый год провела в России, где снялась сразу в четырех картинах: "Комедии о Лисистрате", "Ловушке для одинокого мужчины", "Чернов, Чернов" и в картине "Анна Карамозофф". А четыре года назад я вернулась насовсем.

— Как тебя приняла Москва после долгого отсутствия? Почувствовала ли ты прежнюю любовь публики?

— Да, надо сказать, что это было совершенно неожиданно для меня и безумно приятно. Я не ожидала, что такое долгое отсутствие в России не выветрит память обо мне.

Конечно, когда я ехала сюда, то передо мной стояла задача в каком-то смысле реабилитировать себя как актрису. И мне это удалось. Во многом благодаря любви зрителей.

— Не жалеешь о том, что уезжала в Америку? Не кажется ли тебе, что, оставшись здесь, ты могла бы более полно реализовать себя?

— Нет, я не жалею, потому что на самом деле я бы умножила количество, но не качество своих работ. У меня довольно скептический взгляд на те возможности, которые

репризе, первое время чувствовала себя неуверенно. Хотя дерзостно и амбиций у меня предостаточно. Сыграв моноспектакль, который прошел шесть раз в Театре на Таганке и 15 раз на международном театральном фестивале в Австралии, я навсегда лишилась страха перед публикой.

— Лена, ты провела уникальный жизненный эксперимент. Какие выводы ты сделала из своего опыта?

— Мне кажется, что своими путешествиями я решила проблему страха. Страх — это один из самых мощных стимулов, которыми руководствуется человек в этой жизни. Страх смерти, страх не понять, кто ты такой и зачем. Я решила эту проблему перемещениями в пространстве. Может быть, это особый род невращения?... В принципе все-таки это судьба. Моя жизнь прошла в постоянных разъездах, в смене впечатлений. Теперь я понимаю, что такое земной шар, знаю, как живут люди в разных местах. Могу сказать, что, путешествуя, мы начинаем любить эту жизнь гораздо больше, нежели прячась от самих себя и от человечества. Вернувшись в Россию, с ее культом семьи, детей, дома, я иногда чувствую себя не у дел и начинаю завидовать тем, кто накопил что-то, не сдвигаясь с одной точки. У меня нет семьи, детей, и это, пожалуй, самая большая жертва, которую я принесла, уехав в Америку.

— Не иметь ребенка — это было сознательное решение?

— Нет, я не отношусь к тем женщинам, которые не хотят иметь детей или которым это все равно. Надо сказать, что в Америке рожать детей в одиночку очень страшно. Уйдя от мужа, в известном смысле я потеряла возможность родить ребенка, зная, что ему не будет гарантировано ни обучение, ни дом, ничто. Так получилось, что на чаше весов стояли или спокойное, счастливое материнство или собственная свобода. Я выбрала свободу. Лет 5—10 назад у меня был шанс родить, но я все время откладывала. Или получалось так, что мужчины, от которых я хотела иметь детей, в силу тех или иных причин не хотели этого или, по сути дела, не выступали в роли мужа. В Америке при моих материальных возможностях я могла брать ответственность только за себя, но не еще за кого-то. Все время было ощущение риска и опасности, не было никаких гарантий, что через полгода у меня все будет так, а не по-другому. В моем понимании дети — это колоссальная ответственность. Хотя очень многие рожают не задумываясь и, наверное, правильно делают. Сейчас у меня две печали: что я не родила ребенка и что раньше не занялась режиссурой. Первое уже непоправимо, а второе пытаюсь реализовать — учусь на Высших режиссерских курсах и готовлюсь защищать диплом...

...Давно кончилась пленка на диктофоне, но мы еще долго сидели на кухне, пили чай и беседовали. Я смотрел на эту хрупкую и в то же время сильную талантливую женщину и думал о том, что не каждый может быть режиссером своей судьбы...

Беседу вел Иван СКРЫЛНИКОВ.

Коренева Елена

11.09.08